

Насилие — это про власть и контроль. Это — скрепа, которую не хотят разгибать

Адвокат Мари Давтян — о том, почему не принимают закон о домашнем насилии и как меняется ситуация с ним в период СВО

14:46, 24 мая 2024,

Зоя Светова, Вера Челищева

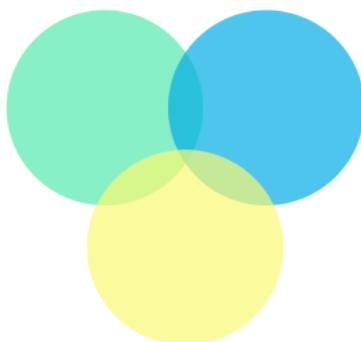

В новом эпизоде подкаста «Совещательная комната» ведущие разговаривают с адвокатом и правозащитницей Мари Давтян, которая вместе с коллегами добивалась принятия в Госдуме «закона о домашнем насилии».

- **Почему Россия так похожа на Туркменистан;**
- **как Казахстан оказался прогрессивнее России;**
- **что происходит с делом сестер Хачатурян;**
- **как СВО влияет на рост домашнего насилия и что ожидать от тех, кто возвращается в семью с ПТСР и привычкой к ежедневной жестокости;**
- **как решали проблему семей ветеранов в США;**
- **почему Россия – мужицкое государство.**

Здесь был мультимедиа-элемент

Чтобы посмотреть его, перейдите по ссылке ниже

ОТКРЫТЬ ПОЛНУЮ ВЕРСИЮ МАТЕРИАЛА

Не забудьте включить VPN если вы в России

СЛУШАЙТЕ, ГДЕ УДОБНО

[Apple Podcasts](#) | [Google Podcasts](#) | [Castbox](#)

- **Ведущие:** Зоя Светова, Вера Челищева
- **Звук:** Василий Александров
- **Обложка:** Татьяна Плотникова

РАСШИФРОВКА

Вера Челищева. Всем привет! Это подкаст «Совещательная комната». И это мы, его ведущие. Я — журналист Вера Челищева.

Зоя Светова. И я — журналист Зоя Светова.

Вера Челищева. Сегодня наш выпуск посвящен теме домашнего насилия. Поводом послужил вынесенный буквально несколько дней назад приговор в Казахстане — нашумевшая история экс-министра экономики страны. Куандыка Бишимбаева приговорили к 24 годам заключения по делу о жестоком убийстве своей гражданской супруги. Верховный суд Казахстана установил, что в ноябре 2023 года Бишимбаев около восьми часов избивал свою жену Султанат. По словам стороны обвинения, во время ссоры пьяный экс-министр бил ее кулаками по голове, пинал ногами и душил до потери сознания. Султанат умерла, и ее супруг намеренно несколько часов не вызывал скорую помощь. В общем, какой-то трэш. И двоюродный брат осужденного также получил четыре года колонии по обвинению в укрывательстве убийства и недонесении о преступлении. Процесс стал знаковым. Во время него в Казахстане наконец-то был принят закон о криминализации домашнего насилия, а сами судебные заседания можно было видеть в реальном режиме — Верховный суд вел трансляцию.

Мы сегодня в России такой прозрачности можем только позавидовать, как и позавидовать главному:

в России до сих пор не принят закон о домашнем насилии, в то время как женщин убивали и продолжают убивать.

Сегодня наш гость — Мари Давтян, адвокат и глава «Центра защиты пострадавших от домашнего насилия». Мари — одна из тех, кто вместе с правозащитниками, юристами и общественниками несколько лет назад готовила проект «Закона о домашнем насилии».

В конце ноября 2015 года, если я не ошибаюсь, концепция этого законопроекта была выложена на официальном сайте Совета Федерации РФ для публичного обсуждения. Однако чиновники сильно отредактировали текст закона и убрали из него, в частности, такие защитные меры, которые нужно применять как раз в ситуации домашнего насилия. Но даже этот отредактированный проект закона, очень измененный и не согласованный с правозащитниками, с Марией и ее коллегами, все равно так и не был внесен в Госдуму. И сегодня у нас в стране до сих пор нет этого закона, и к нему никто не возвращался.

Мария, здравствуйте. И первый мой вопрос такой вот, собственно, простой. Вы можете объяснить нам, обывателям, почему в нашей стране в итоге до сих пор нет закона о домашнем насилии? Кто этому препятствует и почему власть, чиновники не хотят его?

Мари Давтян. Ну, на самом деле это очень комплексный, сложный вопрос. Здесь сразу несколько факторов, которые существуют. Ну, в первую очередь, есть категории людей, которые до сих пор считают, что домашнее насилие — это не проблема. Ну, было, есть и будет. Зачем вообще с этим работать? Есть российские семьи, зачем разгибать российские скрепы?

Это такая первая категория людей, мы с этим сталкивались и в Госдуме в свое время, и среди чиновников правительства. И если этим людям можно донести, насколько это комплексная проблема, что это достаточно сложные процессы, которые идут, и почему государство в них должно вмешиваться, то со второй, так называемой политической категорией людей работать значительно сложнее.

То есть здесь мы сталкиваемся с абсолютно конкретным пониманием, что такое домашнее насилие. И люди действительно это понимают. И я говорю как раз о высоком уровне чиновников. Они все понимают, но при этом не считают, что в принципе для нас это плохо.

Когда мы говорим об отсутствии закона против домашнего насилия,

мы сталкиваемся с нежеланием, осознанными действиями людей, которые не хотят принимать этот закон, потому что понимают, что отсутствие этого закона вкладывается в общую политическую повестку в Российской Федерации.

Россия себя постоянно презентует как последний оплот консервативной политики внутри страны и в международной политике. И, соответственно, домашнее насилие — это часть такой консервативной политики. Как только мы говорим о принятии закона против домашнего насилия, это абсолютно либеральная повестка, это вопрос прав человека, это демократические процессы. И это, естественно, не вкладывается в тренд консервативной политики. Вот такие два сложных процесса — это, конечно, вопросы сугубо политические. Это не

про право.

Вера Челищева. То есть в случае принятия закона о домашнем насилии это будет своеобразным ударом по традиционным российским скрепам. А что должно произойти в стране, на ваш взгляд, чтобы ситуация изменилась? В Казахстане произошло это жестокое убийство, оно произвело впечатление на власть. А что у нас должно произойти, чтобы все-таки приняли закон? У нас жестокие убийства происходят в принципе в режиме нон-стоп в семье.

Мари Давтян. В Казахстане закон против домашнего насилия был принят еще в 2009 году. То есть у них была законодательная база против домашнего насилия. Поэтому и так интересно смотрится процесс там для наших адвокатов. Кто смотрел, не очень было понятно, почему такое огромное поле доказывания — с учетом того, что у них есть понятие домашнего насилия, есть понятие физического насилия, психического насилия, созависимостей и прочего. Вот если мы говорим сегодня об изменениях, то Казахстан криминализировал домашнее насилие, криминализировал побои и легкий вред здоровью, которые были декриминализированы сразу после России. То есть Россия декриминализировала побои в 2016–2017 годах, а следом за ней — Казахстан. Вот что у нас должно произойти. Теперь в Казахстане это изменили в законодательстве.

Вера Челищева. Извините, перебью, чтобы понятно было нашим слушателям. То есть после случая этого убийства в Казахстане власть криминализировала те деяния, которые ранее в законе были декриминализированы?

Мари Давтян. Поняли, что это была ошибка, внесли еще ряд важных изменений в уголовное и в уголовно-процессуальное право. Но закон о домашнем насилии у них был, он у них давным-давно работает, как и практически во всех странах постсоветского пространства.

У нас остались только Россия и Туркменистан, где этого закона нет.

Зоя Светова. Мари, вы говорите о том, что остались только Россия и Туркменистан. Тем не менее мы слышим и читаем в прессе о том, что уровень домашнего насилия в России возрастает в последние годы. И это было связано с пандемией и теперь связано с так называемым СВО. Люди после участия в СВО возвращаются в тяжелом состоянии, испытывают посттравматический синдром. И если раньше у них были зачатки агрессии по отношению к близким, женам, дочерям, то теперь эти случаи участились. А есть ли какая-то статистика, которая говорит, что это действительно так? Вот это мой первый вопрос. И второй вопрос. Меня поразило, что наши власти, вместо того чтобы действительно принять закон, отнестись серьезно к этой истории, признают «иностранными агентами» те организации, которые борются против домашнего насилия.

Мари Давтян. Отвечая на последний вопрос: да, это абсолютно внутренняя и политическая установка. Когда мы говорим о домашнем насилии, это систематическое совершение физического, психического, социального либо любого иного вида насилия по отношению к близкому лицу с целью обретения власти и контроля. Вот тут надо залезть в глубину вообще этого явления. Домашнее насилие — это всегда система власти и контроля того, кто сильнее над тем, кто слабее. Поэтому в абсолютном большинстве стран с авторитарными и тоталитарными режимами не борются с домашним насилием. Потому что, когда мы говорим о любых авторитарных и тоталитарных процессах, они поглощают все сферы жизни общества, все сферы жизни человека. Поэтому никакие процессы борьбы с властью невозможны. Это если говорить про логику событий.

То есть это не то, что я придумала, об этом есть огромное количество зарубежных исследований, в том числе нарративов: например, авторитарных государств и нарративов за домашнее насилие в семье. Это всегда про власть и контроль. Семья — маленькое государство, семья — это маленькая церковь. Соответственно, и подходы должны быть такими же.

Когда же мы говорим о статистике домашнего насилия в России, то вынуждены сказать, что поскольку это явление не признается государством как проблема, то статистика на официальном уровне не ведется. Официальной статистики о домашнем насилии нет.

Существует статистика МВД о преступлениях в семье.

После декриминализации домашнего насилия в России в ней вообще никакого смысла нет, потому что, во-первых, речь идет только о близких членах семьи в зарегистрированном браке.

Во-вторых, подсчитываются только дела с утвержденным обвинительным заключением. А основная проблема насилия в семье в том, что в абсолютном большинстве случаев, когда мы говорим о побоях, легком вреде здоровью, уголовные дела не возбуждают.

Это отдельная проблема, она состоит и в отсутствии надлежащего закона, и в отсутствии нормальных возможностей для защиты потерпевших в этот период. И, естественно, установки, в том числе консервативные стереотипы со стороны полиции и следствия.

Так что про государственную статистику говорить особо нечего.

Но у нас есть социологические опросы, у нас есть другие исследования.

Соцопросы уже много лет показывают примерно одну и ту же картину: начиная с 2011 года каждый четвертый говорит о том, что в его ближайшем окружении было совершено домашнее насилие.

То есть мы можем примерно представить картину, она вполне адекватна мировой статистике. То есть в странах, где борются с домашним насилием, так примерно и происходит.

Что еще интересного у нас есть? Мы проводили исследование опубликованных приговоров об убийствах. Из базы «ГАС Правосудие» мы взяли все приговоры об убийствах именно женщин. Нами были исследованы десятки тысяч приговоров.

И оказалось: до пандемии 65% убитых женщин были убиты в семье, чаще всего партнером или мужем. После пандемии число убийств за два года выросло на 5%.

Сейчас мы ждем накопления данных за второй или третий год СВО — тоже будем проводить эти исследования. И говоря о том, как повлияло СВО, сегодня мы еще этого не видим. Мы видим, что ситуация становится все более опасной. Кризисные центры говорят, что все чаще звонят жены мобилизованных, которые вернулись в отпуск. Жены военных, контрактников и так далее. Но здесь надо учитывать, что раньше у нас не было мобилизованных, а теперь они у нас появились. Мы еще хлебнем эту всю историю, когда все закончится и когда все вернутся. Сейчас еще мало тех, кто возвращается с СВО — кто-то в отпуск, кто-то комиссован. Это еще только-только цветочки, а ягодки мы будем собирать очень активно, когда все закончится. И где-то еще годик, когда ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство), которое в целом развивается в течение полугода, вступит в свои права.

И вот тогда мы посмотрим, что с этим будет. Будет ли? Не сомневаюсь. Почему? Потому что мы не первый и не последний раз сталкиваемся с военными действиями и опытом домашнего насилия. Есть разные исследования: по Вьетнаму, по африканским войнам, в Великобритании, в США, в Европе и даже в Индии проводили свои исследования. Война всегда дает прирост домашнего насилия по двум факторам. Сначала первый — это кризис.

Любой политический или социально-экономический кризис, который увеличивает в обществе напряжение, сразу дает рост насилия в семье. Те, кто может совершать насилие, так сбрасывают напряжение, поэтому: чем выше напряжение, тем выше уровень домашнего насилия.

И, соответственно, у военнослужащих в целом выше уровень насилия в семье, чем в обычных семьях. И учитывая, что ПТСР практически неизбежно, даже наши российские исследования показывают, что люди, прошедшие афганскую войну, практически все страдали ПТСР, даже через десять лет после ее окончания.

Это вполне логично, потому что с ними никто не работал. То есть никто не пытался им помочь, поэтому они продолжали страдать.

И такая ситуация всегда приводит к еще большему росту насилия.

Самый простой способ для любого военнослужащего, страдающего ПТСР, — пытаться сбросить это напряжение, но на работе он не может этого сделать. Он может его сбросить только двумя способами: обычно это

алкоголь и насилие. Так что все впереди.

И к вопросу о том, когда будет принят закон и что должно случиться, чтобы был принят закон в России. У нас были убийства женщин, у нас была Маргарита Грачева, у нас были сестры Хачатурян. Каждый год в нашем проекте сотни дел — и у нас там и убийства, и покушения на убийство, и тяжкий вред здоровью. Вот, например, в прошлом году в Перми муж отрубил жене руки. И про это тоже писали. Кого-то эта история сильно беспокоила? Нет, не похоже. Сколько будет женщин гибнуть? Да сколько угодно.

Я не вижу политической воли. Я не вижу, что кто-то хочет с этим разобраться, поэтому пока я не вижу никаких перспектив к тому, чтобы закон против домашнего насилия был принят.

Мы можем все тут погибнуть, и, мне кажется, ничего в ближайшем будущем не изменится. Я понимаю, что очень пессимистично, но это объективная реальность.

Зоя Светова. Но подождите, а если, например, произойдет, не дай бог, какое-то убийство или домашнее насилие в семье очень известных людей или в семье людей во власти, неужели это не сподвигнет власть к принятию закона?

Мари Давтян. У нас регулярно в год несколько громких случаев происходит. И никого это не сподвигнет к принятию закона. Вот послушайте, что говорят вообще все представители Госдумы, Совета Федерации, те, кто отвечает за семейную политику. Абсолютно консервативный и традиционный нарратив, что женщина должна себя правильно вести, правильно выбирать мужа и так далее, чтобы не было насилия в семье. То есть не признают как проблему, хотя даже как-то странно говорить о том, о чем мы говорим уже бог знает сколько лет, с конца 90-х годов. Мои коллеги говорят, я с 2008 года говорю о насилии в

семье, говорю о том, что это система взаимоотношений.

Это не про провокацию, плохую и хорошую семью, это про проблемы агрессора. И единственный, кто в этом виноват, это агрессор, у которого есть свои сложности и определенные психологические проблемы. То есть это система, в которую может попасть вообще любой, начиная от жены сварщика и заканчивая женой депутата Госдумы.

И мы это видим. Например, знаем, что попадают в эту систему девочки, которые хорошо образованны, те, у которых хорошая работа, но одно другому не мешает. Знает ли об этом Госдума? Да, знает. Сто раз про это им говорили разные люди, не только я.

В предыдущей Госдуме даже было исследование, и они получили те же результаты, о которых мы их предупреждали. Развели руками и не приняли закон.

Вера Челищева. Да, конечно, все это печально. Мари, у меня такая просьба. Вы говорили, что чиновники, у которых высшее образование, они в принципе понимают механизм того, как должен работать закон и какая польза в нем заложена. Вы можете объяснить людям без юридического образования, которые не интересуются принятием и продвижением этого закона, как он может помочь, чтобы мы не теряли жизни и здоровье женщин и не делали сиротами детей?

Как этот закон, если его принять в нашей стране, может предотвратить новые и новые убийства в семье?

Мари Давтян. За словами закона как раз — предотвращение убийств и тяжких последствий, так как домашнее насилие —

это длинная история, это не разовые эпизоды конфликтов, оно обычно начинается с маленьких побоев. Но если туда не вмешиваться, со временем приводит к убийству либо одной, либо другой стороны.

И задача закона сделать так, что как только появляются, скажем так, маленькие побои, государство реагировало и помогало потерпевшей выйти из этих отношений, предотвратить вторые, третьи, четвертые и пятые эпизоды, которые будут неминуемо происходить.

Что для этого нужно?

- Помимо того, что нужно признание самого факта домашнего насилия, ему нужно дать определение, что такое физическое насилие, что такое психическое, что такое сексуальное насилие.
- Второе — необходим комплексный механизм межведомственного взаимодействия. То есть это взаимодействие полиции, социальных служб и медиков. Чтобы потерпевшим было легче, чтобы они могли обратиться в полицию, получить информацию об убежище, о помощи, социальных возможностях, тогда у них была бы возможность выхода. Чаще всего в России они этой возможности выхода не видят и не обращаются в полицию. А если обращаются, то полиция говорит: «Да, хорошо, мы вам когда-нибудь позвоним по этому поводу». И на этом история работы с потерпевшей заканчивается. Когда есть комплексная система, потерпевшая видит, что ей есть куда пойти, есть где получить психологическую поддержку.

Домашнее насилие сейчас — это и зависимость, и стокгольмский синдром, и так далее. И самое важное — это охранные ордера, то есть защита

потерпевших от преследования, от повторных актов агрессии со стороны агрессора.

Вера Челищева. То есть, грубо говоря, охранные ордера — это защита от того, что насильник или агрессор не имеет права, например, приближаться к жертве на столько-то метров?

Мари Давтян. Например, приближаться, приходить на работу и так далее. И это правда один из самых эффективных механизмов против агрессора, ведь когда он теряет контроль над потерпевшей, он пытается его вернуть — таков закон этой системы. И чтобы его вернуть, он использует любые средства. Обычно начинается с конфет, букетов и заканчивается угрозами, попытками снова встретиться, избить и так далее.

И вот на этот период обязательно нужны охранные ордера.

- Во-первых, чтобы не допустить повторного избиения.
- Во-вторых, дать потерпевшим продышаться, чтобы уже самим решать, что делать с собственной жизнью. И сегодня у нас этого нет, нам очень часто потерпевшие говорят: «я не уйду, потому что знаю, что если я уйду, он меня убьет, и никто меня не защитит». Потому что даже если я написала заявление о побоях, само собой, ему вынесут административное правонарушение, и он заплатит штраф. И что будет? Да ничего не будет. Он будет продолжать.

Есть у нас хороший пример — дело Саховой. Это известное дело о декриминализации побоев. Она страдала со стороны родного брата. Вот мы его уже раз пять привлекали к ответственности. И что? Охранных ордеров нет, приходить, заходить он может, никто его особо не наказывает.

Ему даже за легкий вред здоровью и угрозу убийством вынесено всего лишь наказание в виде ограничения свободы. То есть он

не может покидать регион.

Естественно, потерпевшие от партнерского насилия чаще всего в такой ситуации или сбегают, у кого есть ресурс, или просто возвращаются, потому что для них эта система оказывается более безопасной, чем система, когда они живут вне, потому что их никто не защищает.

Вот для этого и нужен закон против домашнего насилия, чтобы этого не происходило, чтобы потерпевшие получали адекватную поддержку и адекватную защиту.

Зоя Светова. Мари, мы сегодня уже довольно много говорили об этом казахстанском кейсе. А вы следили за тем, как в российской прессе, на российском телевидении это освещали? То есть имело ли это дело тот же резонанс, как во всем мире?

Мари Давтян. Мне кажется, что российская независимая пресса освещала и продолжает освещать эту историю. А вот по государственным медиа, по выступлениям наших чиновников я поняла, что эту историю не хотели бы транслировать громко. Я это увидела и по выступлению Пескова, и по выступлению наших депутатов о том, что — ну это у них там, в Казахстане, у нас такой проблемы нет.

Зоя Светова. А все-таки у нас было похожее дело. Вы уже упоминали «дело сестер Хачатурян». Я помню, какой огромный был резонанс. И именно общественникам и юристам удалось это дело высветить. И удалось этих девочек именно спасти, потому что им грозило тюремное заключение за то, что они убили своего отца, который в отношении них совершал домашнее насилие. Я хотела вас спросить: а как сейчас живут сестры Хачатурян? Чем они занимаются, если можно об этом говорить?

Мари Давтян. Ну, во-первых, надо сказать, что дело не

закончено еще, мы еще работаем.

Зоя Светова. То есть, в какой части не закончено?

Мари Давтян. А во всех, к сожалению. Сейчас расскажу. У нас сейчас есть два дела. Первое дело — это убийство сестрами своего отца.

А второе — это дело о физическом и сексуализированном насилии в отношении сестер.

Мы потребовали возбуждения уголовного дела и проведения расследования всех этих обстоятельств, вне зависимости от того, что отца уже нет в живых. Потому что доказательств в материалах уголовного дела было много, и на данный момент в Кунцевском суде проходят судебные заседания, слушаем дело в отношении Михаила Хачатуряна.

Он обвиняется в совершении насильственных действий сексуального характера и причинении тяжкого вреда здоровью по отношению ко всем сестрам. Процесс идет в закрытом режиме в силу того, что это все-таки вопросы личной жизни. И пока мы не рассмотрим это дело, первое дело рассмотрено не будет.

Зоя Светова. А девочки находятся под подпиской о невыезде? Или какая у них мера пресечения?

Мари Давтян. У них запрет совершения определенных действий. Они могут покидать жилье, они даже, кстати, все работают. Они не могут ходить на митинги, сидеть в интернете и общаться с участниками данного уголовного дела.

Зоя Светова. То есть жизнь у них все равно очень ограниченная, уже сколько лет это длится.

Мари Давтян. В общем, конечно, это — большой дамоклов меч.

В отношении каждой из них возбуждено уголовное дело по 105-й статье УК — убийство, там срок до 20 лет. Они пытаются жить нормальную жизнь молодых женщин, потому что все-таки им всем уже за двадцать. И они вынуждены всю эту жизнь жить, озираясь на то, что когда-то их могут посадить в тюрьму.

Зоя Светова. А как к ним относятся люди, коллеги? Их наверняка узнают на улицах. Как они с этим живут сейчас?

Мари Давтян. Получше. В том смысле, что на них уже особо никто не обращает внимания. И не так чтобы их узнают на улицах постоянно.

Но, например, одна из девочек устроилась на работу, и только на следующий день до всех дошло, кто она. Ее тут же уволили, и она устроилась в другое место, а когда до всех дошло, кто это, ее, наоборот, стали поддерживать, помогали.

Вера Челищева. Мари, не могу не задать вопрос как раз про вашего коллегу, который вместе с вами долгое время занимался кейсом сестер Хачатурян. Алексей Липцер, который сейчас, к сожалению, уже несколько месяцев находится в СИЗО по обвинению в экстремизме, и, как мы все знаем, как один из бывших защитников покойного Алексея Навального. Всего по делу арестовано три адвоката, включая Алексея. Можете, пожалуйста, рассказать о нем, о его роли в «деле сестер Хачатурян»? И вообще: что это за адвокат?

Мари Давтян. Мы, кстати, с Алексеем как раз на этом деле познакомились. У нас команда сложилась: Алексей Паршин, Ярослав Пакулин, я, Алексей Липцер. Мы с Ярославом и

Алексеем Паршиным давно друг друга знали. А вот Алексей Липцер появился как-то внезапно, но мы очень быстро сработались, потому что Алексей большой профессионал, он человек с нашим типом ценностей. За это время мы не просто познакомились, мы подружились, мы видели, как он женился, как у него родился ребенок.

Он защищает интересы Кристины Хачатурян. И мы плечом к плечу в команде работали все это время. Он — один из главных игроков всего этого процесса. И, конечно, его арест сам по себе ужасен, потому что это обвинение просто абсурдно: человек делал свою работу, он профессионал своего дела, настоящий адвокат.

Хорошо, что сразу в дело вступила Светлана Давыдова, его коллега.

Она тоже с нами работала, присоединилась к нам по «делу сестер Хачатурян», а когда Лешу арестовали, приняла на себя всю работу.

Для нас его арест и обвинение — это и шок, и обида. И, конечно, реакция Адвокатской палаты, Московской палаты и Федеральной палаты адвокатов возмутительна.

Вера Челищева. Обе палаты, по сути, не поддержали арестованных коллег?

Мари Давтян. И дело не только ведь в том, что Алексей — наш друг и коллега и что мы хотим, чтобы его поддержали, а в том, что, сдавая по одному, сдают, по сути, всю корпорацию. То есть завтра это может быть адвокат по другому делу. Когда стали говорить, что это же по «делу Навального» — ну, друзья, вчера по «делу Навального», а завтра по какому-то другому.

Зоя Светова. А вы переписывались с Алексеем? То есть

поддерживаете с ним связь?

Мари Давтян. Да, мы переписываемся. Так как все-таки в СИЗО есть цензура, я пишу, как дела у моего ребенка. Мы очень часто это обсуждали, у нас дети — погодки. У Леши девочка чуть помладше, у меня мальчик чуть постарше. И вот мы всегда обсуждали, у кого какие в детском саду проблемы, прививки, не прививки, ну и так далее.

То есть обычные бытовые темы, которые мы и раньше обсуждали вне процессуальных вопросов.

Вера Челищева. Ну что, мы вынуждены заканчивать. Вы слушали наш подкаст «Совещательная комната» и говорили с Мари Давтян — юристом, экспертом и просто неравнодушным человеком.

Мы говорили о том, почему в России так и не принят закон о криминализации домашнего насилия. И, конечно, говорили о том, как этот закон может помочь российским женщинам спастись и предотвратить новые убийства.

А вы слушайте и смотрите наш подкаст на YouTube и на других платформах. Спасибо большое, Мари. Всем пока!

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Пытают в основном молодые сотрудники»](#)

Разговор с главой «Команды против пыток»* Сергеем Бабинцом о том, как насилие стало основой общественного порядка и «правосудия»

17:29, 19 апреля 2024, Вера Челищева, Зоя Светова

[«Театр одного судьи»](#)

В подкасте «Совещательная комната» — разговор о жестокости людей в мантиях, люстрации и лицедействе в судебных процессах

14:27, 12 января 2024, Зоя Светова, Вера Челищева

[«Отрезанным ухом хотели оправдаться перед обществом»](#)

Адвокат Ирина Бирюкова — о пытках в колонии и при задержании, публичной жестокости и возвращении смертной казни

16:56, 5 апреля 2024, Зоя Светова, Вера Челищева

[«В самоубийство не верю»](#)

Адвокат Андрей Гривцов — о деле арестованных адвокатов Навального, о смерти полковника Максименко и защите бывших следователей

17:28, 22 марта 2024, Зоя Светова, Вера Челищева

[Экспертиза: сестры Хачатурян совершили убийство из-за жестокого обращения со стороны отца и ПТСР](#)

15:39, 11 августа 2021, «Новая газета» undefined